

Все снова подшучивали друг над другом, и маленький толстячок справа от Хэ Сыцзя вдруг заговорил:

— Первый поцелуй был после 18 лет.

Хэ Сыцзя согнул еще один палец, одновременно взглянув на У Чжэня. Тот тоже согнул указательный палец.

Из всех за столом только они двое попали под это утверждение.

В глазах Хэ Сыцзя читалось сомнение, но У Чжэнь лишь улыбнулся и тихо, так чтобы слышал только он, произнес:

— Цзяцзя, какой ты послушный.

Но на третье утверждение ни один из них не согнул палец. Четвертым высказался парень в очках, который поправил оправу и сказал:

— Получал первое место на экзаменах.

Тут же кто-то спросил:

— На каких экзаменах?

— На любых, — ответил парень в очках, многозначительно оглядев нескольких человек. — Но последнее место не считается.

Хэ Сыцзя саркастически усмехнулся и согнул средний палец. У Чжэнь, как бывший первый в своем актерском классе, конечно же, сделал то же самое.

Чжао Фэй, который никогда в жизни не занимал первых мест, с подозрением посмотрел на Хэ Сыцзя:

— Сыцзя, на каком экзамене ты был первым? На экзамене по управлению экскаватором?

Хэ Сыцзя чуть не плеснул ему в лицо, но, к счастью, парень в очках опередил его:

— Мы с Сыцзя учились в одной школе. В средней школе он учился очень хорошо, много раз занимал первые места.

— Не может быть!

Не только Чжао Фэй, но даже У Чжэнь был удивлен, ведь Хэ Сыцзя никак не ассоциировался с отличником.

Хэ Сыцзя самодовольно заявил:

— Мой высший результат — седьмое место в классе. Кто тут, из тех, кто каждый год в конце списка, смеет меня недооценивать?

Чжао Фэй понял, что Хэ Сыцзя намекает на него, и фыркнул:

— А потом что, сдулся?

Их семьи, конечно, могли позволить себе элитное образование, но не все становились успешными. Все, кто здесь собрался, были бездельниками без амбиций — избалованными или заброшенными семьями богачами.

Чжао Фэй был уверен, что Хэ Сыцзя — такой же, как он, и не ожидал, что у того было что-то другое в прошлом.

— В старшей школе задачи стали сложнее, я не справлялся, — Хэ Сыцзя не хотел продолжать эту тему и быстро перевел разговор:

— Ладно, старина Цай, теперь твоя очередь!

Но старина Цай удивил всех:

— Влюблялся в мужчин.

Сказав это, он сразу согнул палец. Все вокруг были ошеломлены, ведь у старины Цая было не меньше полдюжины подружек.

Но Хэ Сыцзя не обращал на них внимания. Его сердце резко заколотилось, он инстинктивно хотел взглянуть на У Чжэня, но сдержался.

У Чжэнь действительно был мужчиной.

Они действительно целовались, и у них были даже более интимные контакты.

Но была ли это любовь?

Он думал, что это было просто влечение, подпитанное одиночеством в замкнутом пространстве.

Все эти иллюзии, похожие на любовь, были вызваны физическими потребностями, а не чувствами.

Но он знал, что У Чжэнь согнул палец, потому что, когда старина Цай объяснил, что его новый объект интереса — мужчина, и он просто хотел сообщить об этом всем, то добавил:

— Не ожидал, что учитель У тоже из наших. Позже поговорим, я хочу узнать больше.

У Чжэнь сделал жест, призывающий к тишине:

— Это не публичная информация, пожалуйста, сохраните это в тайне.

Все вокруг согласились, им не было интересно распространять слухи. С тех пор как однополые браки были легализованы, уважение к гомосексуалам стало политической корректностью, которую власти пропагандировали в последние годы. Какая разница, кого любит У Чжэнь?

Даже если бы это стало известно, без доказательств кто бы поверил?

Но они все же были удивлены откровенностью У Чжэня.

Конечно, это также вызвало большее принятие.

Когда очередь дошла до Чжао Фэя, он улыбнулся У Чжэню:

— Великий Киноимператор, у тебя осталась только одна попытка, будь осторожен.

У Чжэнь ответил улыбкой, словно это его не волновало.

Чжао Фэй скользнул взглядом по лицам каждого, вспоминая эффект, который произвела фраза старины Цая, и решил тоже сделать что-то громкое.

— Здесь есть человек, который мне нравится.

На этот раз никто не согнул палец, включая У Чжэня.

Хэ Сыцзя не мог определить, что он чувствовал: легкое замешательство, облегчение и едва уловимое разочарование, которое он сам старательно отрицал.

Среди всех этих эмоций он услышал, как У Чжэнь медленно произнес последнюю фразу:

— Я соврал.

Хэ Сыцзя замер, резко повернулся и утонул в глубоких глазах У Чжэня.

Тот смотрел на него прямо, а его хозяин медленно согнул последний палец и сжал кулак.

Не только У Чжэнь согнул палец, потому что слово «только что» было расплывчатым и могло относиться как к игре, так и к более раннему моменту.

Но Хэ Сыцзя был уверен, что У Чжэнь имел в виду именно фразу Чжао Фэя.

Его сердце бешено колотилось, два оставшихся пальца были холодными и онемевшими, даже слегка дрожали.

Когда Хэ Сыцзя уже не мог сдержаться и хотел согнуть палец, У Чжэнь взял со стола бокал и поднял его.

Первый раунд игры закончился, Хэ Сыцзя устало опустил руку, чувствуя, будто два часа держал гирию.

Он взглянул на У Чжэня, тот выглядел как обычно, но он чувствовал, что что-то изменилось.

Они сыграли еще несколько раундов, Хэ Сыцзя все это время был рассеян, и, увидев, что уже почти десять, сослался на работу завтра и сказал, что хочет уйти пораньше.

Остальные, конечно, пытались его удержать, но, поняв, что Хэ Сыцзя настроен решительно, проводили их до двери.

На улице ждало такси, оба надели маски и сели в машину.

Услышав адрес, который назвал У Чжэнь, Хэ Сыцзя удивился:

— Почему ты живешь в отеле?

У Чжэнь не ответил, откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Хэ Сыцзя утешил себя мыслью, что тот, возможно, пьян, и просто молчал.

Но по пути он заметил, что водитель все время подглядывал за ними через зеркало заднего вида. Хэ Сыцзя подумал, что его узнали, но водитель, заметив его взгляд, резко сказал:

— Если вырвете в машине — штраф 500!

Хэ Сыцзя: [...]

Машина пробиралась через пробки, и, когда они наконец добрались до подземной парковки отеля, прошло уже около часа.

Хэ Сыцзя решил, что У Чжэнь уснул, и хотел его разбудить, но тот первым открыл дверь.

Он быстро вышел вслед за ним и, увидев, что вокруг никого нет, попытался взять У Чжэня за руку, но тот засунул руки в карманы, явно давая понять, что не хочет.

Хэ Сыцзя замер на месте, чувствуя обиду, но лифт уже прибыл, и он машинально последовал за ним.

В лифте Хэ Сыцзя подумал, зачем он вообще лезет, лучше бы поехал домой, он же не подлипала.

К тому же, он не выразил своих чувств, но это не значит, что он сделал что-то не так. У него столько поклонников, разве он должен всем отвечать? Он и У Чжэнь были просто любовниками без определенных отношений, он поддавался желанию быть ближе к У Чжэню, а его слова о любви, по сути, были просто физическим влечением, разве это могло быть искренним?

Хэ Сыцзя видел, как выглядит настоящая любовь, и ни один из этих случаев не был похож на поведение У Чжэня.

Чем больше он думал, тем больше злился, решив, что выйдет из лифта и уйдет, но, увидев, как У Чжэнь устало прислонился к стене лифта, не смог удержаться и смягчился.

Хэ Сыцзя сказал себе, что У Чжэнь однажды позаботился о нем, когда тот был пьян, и он тоже не может бросить его. Поэтому, когда двери лифта открылись, он осторожно попытался поддержать У Чжэня.

Возможно, У Чжэнь действительно устал и не сопротивлялся.

Его шаги были неуверенными, он почти опирался на Хэ Сыцзя, и, когда они подошли к двери,

Хэ Сыцзя слегка запыхавшись спросил:

— Где карта?

У Чжэнь прикрыл глаза и не ответил.

Хэ Сыцзя одной рукой полез в карман У Чжэня, но, как только коснулся его бедра, рука была схвачена.

У Чжэнь усмехнулся, достал карту и легко провел ею.

[Диди]

Дверь открылась.

Хэ Сыцзя помог У Чжэню войти, тяжелая деревянная дверь автоматически закрылась.

Оказавшись в темном номере, Хэ Сыцзя торопливо сказал:

— Вставь карту —

Не успев закончить, он был прижат к двери, и его нижняя губа резко заболела.

У Чжэнь укусил его.

— Эй, полегче!

Хэ Сыцзя отвернулся, а У Чжэнь, следуя за его губой, нашел мочку уха и одновременно вставил карту в слот.

Когда загорелся свет, Хэ Сыцзя вдохнул — его ухо тоже укусили.

Но на этот раз он не отстранился, потому что увидел глаза У Чжэня, полные агрессии и желания покорить, без намека на опьянение.

Они, спотыкаясь, вошли в ванную, одежда разбросалась по полу.

Они приняли душ, но вода не смогла погасить жар в груди, он только усиливался.

Когда Хэ Сыцзя осознал, что что-то не так, ситуация уже вышла из-под контроля.

— Черт! Остановись!

— У Чжэнь, ты с ума сошел?!

Но что бы он ни говорил, У Чжэнь молчал.

Хэ Сыцзя уткнулся лицом в подушку, лишь поворачивая голову, чтобы дышать.

С детства его заставляли изучать боевые искусства, и, хотя в последние годы он расслабился, он все же не был беспомощным. Но сейчас он не мог ничего сделать, У Чжэнь крепко держал его.

<http://bllate.org/book/15522/1379732>